ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

1. Метафора в политической коммуникации 7

2. Метафора в публицистике
и публицистической картине мира 27

3. Функции политической метафоры 43

4. Особенности передачи метафоры
в языковой картине мира иного этноса 48

5. Метафора в речи политика на примере инаугурационных
обращений президентов США, премьер-министров
Великобритании и президентов России 62

Заключение 68

Библиография 73

***Мета́фора** – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака.*

Мало кто в должной мере понимает, что метафора – это истина, проникновение в реальность...

Хосе Ортега-и-Гассет

В сущности, в отношении этого феномена [метафоры] не было сказано ничего, хотя кажется, что о нём уже всё сказано.

Умберто Эко

ВВЕДЕНИЕ

Метафора традиционно изучается в курсах риторики и стилистики как элемент художественного украшения речи. Кроме того, с середины XX столетия, когда наука перешла на антропологическую парадигму, метафору активно рассматривают как важную когнитивную составляющую мыслительного процесса и как неотъемлемый языковой феномен. Создание метафоры представляет собой исключительную способность естественного человеческого языка, в чём заключается отличие от любого искусственного языка (В. Н. Телия 1988).

Феномен метафоры рассматривается как базис когнитивных процессов и всего знания о мире. Множество научных понятий содержат в своей основе метафору, являясь, по образному определению Ф. Ницше, «осколками» метафоры, а в современной терминологии, «стёртой» метафорой (А. Н. Баранов 1994).

Двойственный характер метафоры как стилистического средства языка с одной стороны и глубинного когнитивного процесса с другой объясняет неиссякаемый интерес к этому явлению. Язык не может существовать без метафоры, представляя собой своего рода «кладбище мёртвых метафор» (Гак 1988: 17), что указывает на большое значение метафоры в формировании естественного языка человека как такового и языковых картин мира отдельных лингвокультурных сообществ.

Изучение метафоры на примере англо-американских и русских публицистических текстов представляется актуальным, поскольку способствует развитию понимания особенностей исследуемых языковых картин мира в условиях возрастающей роли межкультурного общения.

Большой вклад в развитие теории метафоры внесли такие учёные как Дж. Лакофф, М. Блэк, А. Вежбицкая, А. А. Потебня, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, А. А. Залевская, А. Н. Баранов, Н. В. Иванов, А. П. Чудинов, и другие.

Несмотря на то, что в целом о метафоре написано множество трудов, тема метафоры как инструмента концептуализации языковой картины мира, в частности – в преломлении к публицистическим текстам, требует дальнейшего развития. В работе рассматривается функционирование метафоры в парадигме языковой картины мира на примере её использования в выступлениях политических деятелей США, Великобритании и России, а также в других публицистических текстах политической направленности.

Цель работы состояла в том, чтобы раскрыть на основе методов лингвистического анализа и описания национально-культурную специфику метафоры в политическом дискурсе и её функцию как инструмента формирования языковой картины мира.

Исследование проводилось на материале англо-американских, а также частично русских публицистических текстов политической направленности. Общий объём текстового материала составил более 5000 страниц (статьи по политической тематике, опубликованные в американских и английских СМИ). В общей сложности было выявлено и рассмотрено более 1200 метафор в контексте, которые анализировались и классифицировались на основе лингвокультурологических критериев.

Методологическими и теоретическими основами исследования явились работы по изучению метафоры Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, А. А. Потебни, В. Н. Телии, Н. В. Иванова, К. В. Шнякиной, В. Ю. Барбазюк и других учёных.

В работе дальнейшее развитие получают перспективные научные представления о роли метафоры в формировании языковой картины мира, уточняется дискурсивная смысловая нагрузка метафоры, а также устанавливаются наиболее продуктивные тематические источники метафоры в англоязычном и русскоязычном политических дискурсах. Существенно дополнены когнитивная онтология метафоры в лингвокультурологическом аспекте, а также методика теоретической интерпретации метафор политического речевого узуса по области источников их происхождения. Выявлена роль метафоры как инструмента формирования и развития языковой картины мира, проведён расширенный анализ большого числа метафор в английском и американском политических дискурсах.

В работе раскрываются такие понятия как публицистическая картина мира, публицистический стиль, политический дискурс, обобщаются функции политической метафоры и особенности её передачи языковыми средствами другого этноса, приводятся примеры употребления метафоры в публицистических текстах на примере статей общественно-политической направленности и инаугурационных сообщений ведущих политиков США, Великобритании и России, рассчитывается коэффициент относительной частоты употребления метафор в представленных образцах политического дискурса.

1. МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современные подходы к изучению метафоры включают её рассмотрение как художественного приёма с одной стороны и как проявление асимметричности языкового знака в рамках когнитивного процесса – с другой, что способствует целостному и всестороннему пониманию метафоры.

Отмечается важность изучения метафоры в лингвокультурологическом аспекте, так как это позволяет выявить общее и индивидуальное в базовых когнитивных процессах различных языков и способствует успешной межкультурной коммуникации.

Метафора играет важную роль в формировании языковой картины мира, так как она является неотъемлемым и необходимым языковым феноменом. Языковая картина мира, хоть и не быстро, меняется с течением времени, и одним из ярких примеров динамичности ЯКМ является создание новых значений с помощью метафоры. Языковая картина мира подразделяется на варианты (научная, профессиональная и бытовая / наивная картины мира). И, в свою очередь, внутри данных вариантов в зависимости от области применения может существовать множество вариаций.

Язык политики проявляется во время политической коммуникации – процесса общения между участниками политической деятельности (Чудинов 2008: 31). Коммуникация играет центральную роль для политики в силу специфики ее задач по завоеванию и удержанию власти – и добиться этих целей можно только с помощью политического общения.

Политическая коммуникация осуществляется на различных уровнях, начиная с устных высказываний обывателей на общественно-политические темы, обсуждений политиками вопросов устройства общества и государства, газетных статей политических обозревателей, новостных программ о событиях в мире и комментариев к ним, заканчивая официальными речами глав государств и юридическими документами, характеризующими взаимоотношения между мировыми державами или закладывающими основы внешней политики государств. Цели политической коммуникации – информирование реципиента по вопросам политики, высказывание точки зрения автора, воздействие на адресата, формирование у него необходимой автору/заказчику позиции,

побуждение к нужным действиям. В качестве одного из средств достижения этих целей авторы используют метафору, которая, являясь не только художественно-стилистическим приёмом, но и глубинным когнитивным процессом, даёт возможность адресанту с помощью метафоры кодировать нужную информацию, а адресату – декодировать её, опираясь на знания об источнике метафоры и исходя из области цели метафоры.

Метафора в политической коммуникации стала изучаться с середины XX века, и интерес к ней постоянно возрастает. Появление теории концептуальной метафоры, а также методов дискурсивного анализа способствовали росту такого интереса к метафоре. Сочетая оба метода, ученые пользуются когнитивно-дискурсивным подходом к изучению политической метафоры, при котором они рассматривают как ментальные, так и лингвосоциальные аспекты создания и употребления метафоры в речи.

А. П. Чудинов (Чудинов 2008: 36–37) выделяет следующие виды политической коммуникации:

- аппаратная/служебная коммуникация, имеющая место внутри государственных или общественных структур;
- публичная, т. е. коммуникация публичных деятелей с различными адресатами, подразделяемая на парламентскую коммуникацию и переговорную коммуникацию;
- журналистская коммуникация, когда представители СМИ доводят какую-либо информацию до граждан;
- рядовая коммуникация, когда коммуникантами являются обычные рядовые граждане.

В зарубежном изучении политической коммуникации существуют три основных направления, а именно: риторическое, когнитивное и дискурсивное (Будаев, Чудинов 2008: 352). В отечественной теории политической коммуникации выделяют три основные направления: дескриптивное, критическое и концептуальное (Алёшина 2014: 13). Все эти подходы объединяют понимание дискурса как средства реализации политических явлений.

Политическая коммуникация осуществляется в рамках политического дискурса. При изучении политического дискурса немаловажная роль отводится анализу сопутствующих экстралингвистических факторов, среди которых мнения, установки, цели адресанта и адресата, их знания о мире применительно к политике, текущей политической ситуации и т. п.

Существует множество трактовок термина «дискурс». Если с точки зрения Н. Д. Арутюновой дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1999: 137), то для Т. А. Ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» (Дейк 1989: 46). Кроме этого, «дискурс – это тематически определённый текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассмотренный в ситуации общения, в которой он разворачивается» (Блох 2013: 9). Отличие текста как такового от дискурса состоит в том, что текст есть понятие сугубо лингвистическое как высшая единица синтаксиса, а дискурс носит лингвосоциальный характер, представляя собой «предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики» (Чудинов 2008: 41).

Соответственно, политический дискурс – это всё множество текстов, создаваемых в лингвосоциальном пространстве политической коммуникации.

При изучении метафоры в политическом дискурсе исследователи обращаются к различного рода политическим текстам, а вместе с ними рассматривают множество сопутствующих экстралингвистических факторов, таких как мнения, установки, цели адресанта и адресата, их знания о мире применительно к политике и многие другие лингвосоциальные факторы.

В рамках когнитивной теории метафоры (Лакофф, Джонсон 2004; Баранов, Караулов 1994) считается, что в любой метафоре имеется наличие когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. В терминологии, предложенной А. Н. Барановым (Баранов 2014), это область отправления функции отображения и область прибытия. Согласно гипотезе инвариантности Дж. Лакоффа, метафоризация происходит благодаря тому, что некоторые смыслы источника метафоры отображаются на области её цели и повторяются в ней. Такое выстраивание смыслов области цели в соответствии со структурой источника называют метафорической проекцией. Метафоричность и метафоризация также «запускают» механизм действования рефлективного характера как при продукции, так и при рецепции текста. Для удобства составления словарей метафор и автоматического поиска А. Н. Баранов (Баранов 2014) вводит понятие «парадигматическая модель метафорической проекции», под которой понимается упорядоченное сочетание сигнификативных (из области источника) и денотативных (из

области цели) дескрипторов. Метафорическими моделями (М–моделями) будут «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» (Баранов 2014: 38). Метафорика определённого дискурса объединяет не просто множество относящихся к нему метафор, а совокупность типичных для данного вида дискурса метафорических моделей. Типичные метафорические модели образуют «дискурсивные практики». Именно такие М–модели важны для изучения метафорики того или иного типа дискурса. Таким образом, метафорическая модель представляет собой область источника метафоры или, иными словами, область отправления функции отражения метафоры.

Метафора является важным источником образования новых смыслов. В политической коммуникации, то есть в политическом общении субъектов политической деятельности, коммуниканты активно пользуются возможностями метафоры по оказанию воздействия на адресата. Поскольку вся политическая деятельность подчинена принципу борьбы за власть, то функция эмоционального воздействия на реципиента, в том числе с помощью метафоры, оказывается чрезвычайно важной. Метафора в политической коммуникации имеет две основные функции: информационная, т. е. функция моделирования действительности, и экспрессивная, т. е. функция эмоционального воздействия (Алексеев 1996: 150–161). Соответственно, метафоры делятся на «стёртые» (или «мёртвые») и «живые» (Баранов, Караулов 1994). Так называемые «стёртые» метафоры являются устоявшимися, привычными, стереотипными выражениями, которые обычно не воспринимаются реципиентами как метафоры, а используются авторами с целью ознакомления адресата с определённой информацией, при этом такие метафоры несут с точки зрения адресата лишь функцию понимания. Напротив, «живые» метафоры представляют собой яркие образные выражения, в которых метафорический перенос с области источника на область цели прослеживается явно, при этом в сознании реципиента благодаря отчётливому образу источника метафоры и легко выводимым из него метафорическим следствиям образ цели метафоры обогащается новыми смыслами и производит сильный эмоциональный эффект. «Живые» метафоры обладают не только функцией понимания, но и функцией распознавания их как структур с высоким эмоциональным «зарядом» и воздействием на адресата. В связи с понятием «стёртой» метафоры представляется необходимым поговорить о стереотипах в лингвистическом понимании и их отноше-

нии к метафоре. Концептуальные метафоры, являющиеся глубинными укоренившимися в сознании носителя определённой культуры структурами и лежащие в основе его системы понятий о мире, знаменуют собой, по сути, стереотипные представления человека, «навязанные» ему через устоявшиеся метафоры. Стереотипы представляют собой необходимый элемент развития общества, став одним из условий сохранения культурной преемственности. Создание стереотипов является необходимой мыслительной операцией в процессе познания действительности, и в этом понимании стереотип близок термину «стёртая» метафора. Одним из конкретных способов выражения стереотипов является использование переносного значения слов типа «собачья жизнь» (Бартминьский, 2005). Подобные выражения метафорически могут использоваться и в текстах политического дискурса для достижения автором определённого воздействия на адресата.

За концептуальной метафорической моделью ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР стоит стереотипное представление о политике, ставшее в определённом смысле общим для сознания представителей англо-саксонской и русской культур. Подобные концептуальные метафоры могут представлять собой своего рода идеологемы, за которыми стоят закодированные особым образом национально-специфические ценности (Масленникова 2015). Например, выражение *to play a full role* ‘*играть полноценную роль*’ является «стёртой» концептуальной метафорой, несущей информативную функцию моделирования действительности, как, например, в статье «Предстоящая встреча по вопросам выхода Великобритании из ЕС между Терезой Мей и председателем Европейского Совета Дональдом Туском состоится впервые с момента её вступления в должность премьер-министра Великобритании» (‘Theresa May is to meet European Council President Donald Tusk for the first time since becoming UK prime minister later, with Brexit on the agenda’, URL):

> In talks at Downing Street, Mrs May will say the UK will continue *to play a full role* in the EU until it leaves. => Во время переговоров в своей официальной резиденции на Даунинг-стрит премьер-министр Великобритании Тереза Мей объявит о том, что Соединённое Королевство будет продолжать *играть полноценную роль* в Евросоюзе до тех пор, пока не выйдет из него. (Перевод наш – *Е. У.).*

Схожая метафорическая модель реализуется и в китайском языке, например, в следующем отрывке из газеты «Жэньминь жибао»:

> 中俄总理定期会晤机制是统筹规划和协调推动中俄各领域合作的重要平台,发挥着不可替代的作用 => Механизм регулярных встреч глав правительств Китая и России – важная площадка, *играющая незаменимую роль* для единого планирования и содействия двустороннему сотрудничеству в различных областях (газета «Жэньминь жибао» от 19.03.13; *перевод А. В. Галкина).*

Глагольно-объектная конструкция *发挥(着) 作用 'играть роль'* часто используется в контекстах, где речь идёт о политических процессах и представляет для китайского языка концептуальную метафору, созданную по модели ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР.

В другом примере из статьи 'Объявлена дата встречи на высшем уровне представителей стран Евросоюза по вопросу выхода из него Великобритании' ('EU summit date on Brexit announced', URL) также используется образ из области театра (*choreography* 'хореографические приёмы'):

> *British ministers have said the EU's draft guidelines, which are expected to be published within 48 hours of Article 50 being triggered, will be a "very important» moment of "choreography» in the Brexit process*. => По словам министров Великобритании, проект рекомендаций о выходе Соединённого Королевства из состава Евросоюза, как ожидается, будет опубликован в течение 48 часов после вступления в силу статьи 50 и станет важной *отправной точкой для начала поиска компромиссов* по пути к отделению Великобритании. (Перевод наш – *Е. У.)*

Из примера видим, что действия заинтересованных сторон сравниваются с осторожными движениями танцоров, задача которых в том, чтобы не задеть при движении партнёров. С помощью этой метафоры автор усиливает мысль о необходимости *поиска*

компромисса в вопросах, связанных с правами европейцев, живущих в Великобритании, и британцев, проживающих в Европе, а также выплат Соединённым королевством взятых на себя обязательств. Данная мысль и передана в переводе на русский язык, при этом снята метафоричность высказывания в пользу компенсирования сути метафоры раскрытием её смысла.

Распространённой концептуальной метафорой является модель ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ. Эту модель встречаем, например, в сообщении Би-Би-Си от 25 сентября 2016 года под заголовком «Предвыборные дебаты в США: итоговые заметки» (‘US election debate: Your ultimate guide’, URL):

> *This is it – the final stretch of the US presidential race*. => Вот и она – финишная прямая президентской *гонки* в США (Перевод наш – *Е. У.*)

Использование подобных стереотипных концептуальных метафор как в англоязычных текстах, так и в текстах на русском языке, говорит об универсальных закономерностях работы человеческого мышления, формирующего с помощью таких устоявшихся метафор концептуальную картину мира независимо от принадлежности к той или иной культуре. Так, в китайском языке также присутствует на концептуальном уровне стереотипное метафорическое представление о политике как о спорте:

> 中巴关系经受住时间和国际风云变幻的考验，始终保持健康稳定发展 => Отношения между Китаем и Пакистаном ВЫДЕРЖАЛИ ИСПЫТАНИЯ временем и международными пертурбациями, в них всё время сохраняется здоровое и стабильное развитие (Ежедневная газета «Жэньминь жибао» от 17.03.2013; перевод *А. В. Галкина*).

Метафорой становится выражение 经受(住) 考验 *выдержать испытания*, которое отсылает к теме спортивных соревнований или проверочным мероприятиям, устраиваемым в КНР при приёме на работу.

Интерес представляют наблюдения за использованием метафор в публицистических текстах политического дискурса, создаваемых во время различных предвыборных кампаний, когда цель политической коммуникации – это борьба за власть. Примером

использования метафорической модели *персонификации* может служить отрывок из новостного сообщения информагентства Би-Би-Си под названием «Мишель Обама поддерживает свою “подругу” Хилари Клинтон в её предвыборной кампании» (‘Obama campaigns with her ‘girl’ Clinton’, URL):

> *The Clinton campaign hopes Mrs Obama''s imprimatur will help galvanise female voters, especially black women*. => ‘В предвыборном штабе Хилари Клинтон надеются, что поддержка Мишель Обамы поможет привлечь на её сторону в качестве избирателей женщин, в особенности темнокожих’. (Перевод наш – *Е. У.*)

В приведённом примере метафорическая модель *персонификации* «the Clinton campaign *hopes*» (буквально ‘предвыборная кампания Х. Клинтон *надеется*’) является наиболее частотной как в английском, так и в русском языках. В данном случае на русский язык её можно перевести с изменением конструкции и потерей метафоричности, так как правила сочетаемости слов в русском языке не позволяют использовать здесь метафору персонификации. Однако, как правило, метафорическая модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ представляет собой так называемую «стёртую» метафору, которая несёт исключительно информативную функцию, не затрагивая функцию эмоционального воздействия на адресата, поэтому перевод без использования метафоры представляется адекватной передачей информации. В предложении также использована метафора, источником которой является категория научной / профессиональной картины мира – ХИМИЯ. Глагол *to galvanise* имеет первое значение ‘гальванизировать, оцинковывать’, которое в результате метафорического переноса приобретает новый смысл ‘побуждать к действию’и переходит в разряд метафор публицистической картины мира.

Частотной также является концептуальная метафорическая модель ПОЛИТИКА – ЭТО РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, как, например, в статье ‘Объявлена дата переговоров на высшем уровне стран-членов Евросоюза по поводу выхода Великобритании из ЕС’ (‘EU summit date on Brexit announced’, URL):

> *Brexit divorce: ‘conscious uncoupling’ or bitter breakup? => Развод* по-британски: что выбрать –

разойтись с Европейским Союзом цивилизованно или *резко разорвать с ним отношения*? (Перевод наш – *Е. У.*)

Обращение к М–модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, где сигнификативный дескриптор – это ‘развод’, в ситуации относительно предстоящего выхода Великобритании из состава Евросоюза, позволяет автору статьи призвать все стороны этого процесса действовать осторожно, поскольку существует очень тесная связь между двумя сторонами.

Политическую коммуникацию и политический дискурс изучает политическая лингвистика, являющаяся разделом лингвистики, который занимается вопросами применения языка в политических целях. По мнению Е. Ю. Алёшиной, политическую лингвистику можно считать с одной стороны отдельным сформировавшимся направлением в лингвистике, и с другой стороны – этим термином можно обозначить исследования политической коммуникации (Алёшина 2014: 11).

Современные исследователи рассматривают политическую лингвистику как часть прикладной лингвистики, но подчёркивают специфику политического языка (Баранов 2001). Отличительными чертами политического языка являются:

– смысловая неопределенность (обобщённость);

– фантомность (отсутствие реального денотата);

– эзотеричность (иносказательность, понятная избранным);

– театральность (расчет на производимый эффект, стремление убедить собеседника с помощью красочных языковых средств) [по (Чудинов 2008: 20)]

Язык политики проявляется во время политической коммуникации – процесса общения между участниками политической деятельности (Чудинов 2008: 31). Коммуникация играет центральную роль для политики в силу специфики ее задач по завоеванию и удержанию власти – и добиться этих целей можно только с помощью межличностного общения. При изучении политического дискурса исследователи обращаются к различного рода политическим текстам, а вместе с ними рассматривают множество сопутствующих экстралингвистичесих факторов, таких как мнения, установки, цели адресанта и адресата, их знания о мире применительно к политике и т. п.

Одним из быстро развивающихся направлений политической лингвистики считается сопоставительный дискурс-анализ политических метафор. Э. В. Будаев (Будаев 2014: 35) в статье «Сопоставительный дискурс-анализ политических метафор» выделяет на основе проанализированного им корпуса из более тысячи исследований четыре типа сопоставительного анализа политической метафорики. Это *этнокультурное, социальное, мультимодальное* и *диахроническое сопоставление*.

В рамках *этнокультурного* сопоставления Э. В. Будаев (Указ. соч.: там же) отмечает *лингвокультурологическую* парадигму и парадигму *универсализма*.

Исследования, выполненные согласно лингвокультурологической парадигме, показывают, насколько рассматриваемые политические метафоры определяют и подчеркивают национальную самобытность и являются свойственными исключительно определенной языковой общности, в более широком контексте – цивилизационному пространству или имеют общечеловеческий характер.

И наоборот, следуя парадигме универсализма, учёные изучают, каковы универсальные законы образования политических метафор в языках мира, не учитывая национально-культурные особенности их создания.

Очевидно, что комбинирование этих двух парадигм будет способствовать более полному сопоставительному дискурс-анализу метафор.

Социальное сопоставление принято разделять (Указ. соч.: там же) на *идеологическое* (изучение политического дискурса представителей различных идеологических платформ), *идиолектное* (рассмотрение употребления метафоры в речи конкретных политических фигур) и *гендерное* (поиск различий в употреблении метафорики политиками-мужчинами и политиками-женщинами).

Одним из способов изучения особенностей политического дискурса является рассмотрение употребления метафор в политической коммуникации. Как отмечает А. П. Чудинов (Чудинов 2008: 25), говоря о политическом дискурсе в целом и о политической метафоре в частности, интерес представляет изучение идиостилей отдельных политиков, составление их «речевых портретов» (термин А. П. Чудинова), определение взаимосвязей между харизматичностью политика с точки зрения реципиентов и речевыми особенностями его политических высказываний. С целью оказания воздействия на слушателей политические фигуры используют

«речевые маски» при помощи различных речевых приёмов, тактик и стратегий (Указ. соч.: там же).

При *мультимодальном* сопоставлении, согласно Э. Д. Будаеву (Будаев 2014: 37), используются семиотические законы для сопоставления невербальных и вербальных политических метафор.

Диахроническое сопоставление имеет целью изучение образования и функционирования политических метафор на различных исторических этапах развития языка, причем эти этапы, или фрагменты изучения могут быть привязаны либо к астрономическим периодам времени (равномерная фрагментация дискурса), либо к определенным эпохам или событиям (фокусная фрагментация дискурса – термины Э. Д. Будаева (Будаев 2014: 37)). При диахроническом сопоставлении в политическом дискурсе учитываются количественные и качественные показатели употребления метафор.

С помощью контент-анализа, например, доказано (Чудинов 2008: 25), что во время кризисов количество метафорических употреблений возрастает, а степень их агрессивности увеличивается.

В числе современных исследователей политического дискурса, активно использующих метод контент-анализа можно назвать таких ученых как В. Бенуа, А. Харткок, В. МакХейл, Л. Бразеаль, В. Уэллс, А. Клюковски, П. Пир и другие исследователи. Исследования политического дискурса, выполненные с применением контент-анализа, имеют целью определить с помощью статистики количественные и качественные характеристики употребления в политическом дискурсе тех или иных языковых явлений (например, политических метафор), различных тактик критики, защиты, восхваления и стилей обращения ораторов к аудитории. Результатом исследования голландского политического дискурса, например, стал вывод о том, что во время политических и экономических кризисов количество политических метафор в политическом дискурсе существенно увеличивается. Кроме того, исследования показали (Чудинов 2008: 25), что политики, придерживающиеся радикальных взглядов, чаще используют в речи метафорические образы. Отмечается (Указ. соч.: там же) тот факт, что в условиях кризисов, приближающихся выборов, форс-мажорных ситуаций и прочих событий, несущих высокий эмоциональный заряд, степень речевой агрессивности политиков в целом возрастает, и употребление агрессивных метафор в речи политиков также увеличивается. Под речевой агрессивностью подразумевается использование в

речи угроз, оскорблений, дискредитации, лжи, а также бранных и нецензурных слов.

Рассмотрение употребления метафоры в политической коммуникации является одним из способов изучения особенностей политического дискурса. Метафора в политическом дискурсе играет важную роль, изучением которой занимаются многие отечественные учёные, такие как А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Е. Ю. Алёшина, Э. В. Будаев, П. И. Болдаков, Н. В. Бугакова, Е. В. Дзюба, М. В. Ларионова, Т. Г. Попова и другие исследователи.

В конце XX века сложился когнитивно-дискурсивный подход к изучению политической метафоры, при котором в фокус внимания исследователя попадают как ментальные, так и лингвосоциальные аспекты создания и употребления метафоры в речи. Так, Д. Дэвидсон, сравнивает когнитивный процесс уяснения значения метафоры с творческим толкованием снов, поскольку «понимание (как и создание) метафоры есть результат творческого усилия» (Дэвидсон 1990: 173). Кроме того, изучать метафору следует изучать в соответствии с эффектом, производимым на слушателя. При этом Д. Дэвидсон считает, что нет никакого смысла пытаться интерпретировать содержание метафоры: это абсолютно невозможно, поскольку метафора воспринимается слушателем как неверная, ложная информация, т. е. как ошибка коммуникации (Указ. соч.: там же).

Каждая метафора заключает в себе одновременно область источника и область цели. Область источника для метафоры обычно представляет собой более конкретное по сравнению с областью цели знание, добытое в результате непосредственного взаимодействия с окружающим миром. В области источника знания организованы в виде «схем образов» (image schemas) в терминологии Дж. Лакоффа (Lakoff 1993). Среди подобных схем образов следующие: «вместилище», «путь», «часть – целое», «вверху-внизу», «спереди – сзади» и ряд других. Под однонаправленностью метафорической проекции Дж. Лакофф предлагает понимать метафору, исходя из области источника и переноса данного значения на область цели. Как правило, область источника – это нечто хорошо знакомое человеку, когда с помощью этого известного образа он называет более сложное или менее знакомое для него понятие. По мнению Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные

сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» («Metaphors allow us to understand a relatively abstract or inherently un-structured subject matter in terms of a more concrete, or at least more highly structured subject matter») (Lakoff 1993: 245). Таким образом, можно говорить о недостаточности чисто лингвистического подхода к изучению метафоры: необходимо рассматривать когнитивную роль метафоры и её постоянное присутствие в сознании человека на концептуальном уровне (Лакофф, Джонсон 2004).

О. Н. Алёшина выделяет несколько этапов образования метафоры: 1) вычленение нового объекта-референта, требующего особого обозначения; 2) соотнесение этого объекта с другим/другими, уже известными; 3) вычленение инвариантного признака/признаков у нового и известного/известных объектов; 4) обозначение нового объекта-референта (Алёшина 2003: URL).

Объёмным пластом в корпусе метафор любого языка является «онтологическая метафора»: этот вид метафоры включает в себя огромное множество важных метафорических моделей. Онтология – это учение о бытии, о наиболее общих категориях сущего. Джордж Лакофф подчёркивает, что «опыт обращения с материальными объектами создает основу для исключительно широкого разнообразия онтологических метафор, т. е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. д. как материальных сущностей и веществ» (Лакофф, Джонсон 2004: 50). Использование онтологической метафоры необходимо для «рационального осмысления нашего опыта» (Лакофф, Джонсон 2004: 51). Онтологические метафоры кажутся человеку естественной, неотъемлемой частью моделей миропонимания, поэтому они не ощущаются как метафоры. Выражаясь термином А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, речь идет о «стёртых» или «мёртвых» метафорах (Баранов, Караулов 1994), давно вошедших в языковой обиход и назначение которых состоит в констатации фактов, а не в эмоциональном воздействии на адресата.

Если говорить об исследовании метафорики определенного дискурса, необходимо выявить использующиеся в нём метафорические модели и установить среди них дискурсивные практики (Баранов 2014). Изучение политической метафоры целесообразно начинать с ее категорирования по источникам метафоризации, как это было проделано А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым в «Словаре русских политических метафор» (Баранов, Караулов 1994).

А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в своём «Словаре русских политических метафор» называют следующие наиболее распространённые метафорические модели политического языка, образованные в период перестройки и постперестроечного периода (приводятся в алфавитном порядке): ВОЙНА, ГЕОМЕТРИЯ, ИГРА, МЕХАНИЗМ, ОРГАНИЗМ, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ПУТЬ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, СТРОЕНИЕ.

Под метафорической моделью учёные (Баранов, Караулов 1994: XV) понимают понятийную область исключительно *источника* в когнитивной интерпретации метафоры. Исследователи проанализировали 9525 контекстов с политическими метафорами, собранными за период с 1986 года по 1993 год, и пришли к выводу, что наиболее частотной метафорической моделью является метафора персонификации, т. е. осмысление неодушевлённого предмета, объекта или явления как одушевлённого. Именно эта модель представлена в 912 случаях. Затем (в порядке убывания) следуют следующие метафорические модели: ВОЙНА – МЕДИЦИНА – ТЕАТР – СТРОЕНИЕ – МЕХАНИЗМ – ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО – ИГРА – РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЖИВОТНОЕ – ОРГАНИЗМ – ПРОСТРАНСТВО – РЕЛИГИЯ – ГЕОМЕТРИЯ – БОЛЕЗНЬ – СПОРТ – ЛИТЕРАТУРА – ПУТЬ/ДОРОГА – РАСТЕНИЕ/ДЕРЕВО – СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО – ПОГОДА – ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – МУЗЫКА – РЕКА – ОГОНЬ – ВОЛНА – ПИЩА – УГОЛОВНЫЙ МИР – ПРОСТРАНСТВО – ФИНАНСЫ – ЦИРК – ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА – СТИХИЯ – ВРЕМЯ – МАТЕМАТИКА (Баранов, Караулов 1994: XVI–XVII).

Все выделенные А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым метафорические модели можно отнести к онтологическим метафорам (то есть, к тем метафорам, областью источника которых являются любые сферы быта человека, его жизнедеятельности в широком смысле слова) в сфере политики [об онтологической метафоре см. подробнее (Лакофф, Джонсон 2004: 50–59)]. К данным метафорическим моделям из области источника метафоризации представляется целесообразным добавить модель ВЕЩЬ/ОБЪЕКТ или АРТЕФАКТЫ/ДЕЙСТВИЯ С АРТЕФАКТАМИ.

Проанализируем пример употребления метафорической модели ДЕЙСТВИЯ С АРТЕФАКТАМИ из статьи «Волна возмущения из-за того, что проевропейски настроенные политики Великобритании могут не признать результатов референдума и воспрепят-

ствовать выходу Великобритании из единого рыночного пространства Европейского Союза»:

> We've been *lulled into* false sense of security, says Liam Fox (Outrage as Pro-EU MPs could DEFY Brexit and BLOCK Britain from leaving the single market // Daily express, UK. 07.06.2016) => Нам *исподволь внушили* ложное ощущение защищенности, – заявил Лаям Фокс. (*Перевод наш. – Е. У.)*

В данном примере метафорическому переносу подверглось выражение *to lull somebody* («*убаюкивать кого-либо*»), глагол которого принял несвойственный его первому значению предлог *into* по модели образования словосочетаний *to reason/talk somebody into something («уговаривать кого-либо сделать что-либо»)*. С помощью такой метафоры автору удалось передать читателю мысль о том, что, несмотря на всеобщую уверенность в главенстве закона, Великобритания не застрахована от того, что некоторые политики могут не признать официальных результатов референдума – прямого волеизъявления народа. Эта метафора призвана вызвать у читателя негодование относительно такой перспективы нарушения закона.

Согласно исследованиям А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова (Баранов, Караулов 1994), модель ПЕРСОНИФИКАЦИИ – самая распространенная среди всех метафорических моделей политического языка. Объяснение этому факту легко найти, обратившись к теории антропоцентрической парадигмы в научных изысканиях. В конце двадцатого столетия наука перешла на антропоцентрический вектор исследований, что в целом означает, что человек есть мера всех вещей. Человек судит обо всем происходящем в мире, отдавая своему пониманию и ощущениям ведущую роль в познании нового.

Как известно, метафора – это познание нового с помощью хорошо знакомого и понятного старого. Наиболее близкими человеку являются его личные ощущения, и, используя метафорическую модель персонификации или олицетворения, он описывает явления, напрямую не связанные с человеческим организмом, однако приобретающие некоторые его черты, свойства, признаки. Тем самым абстрактные явления обретают человеческие характеристики, становясь ближе и удобнее для понимания. Обращаясь к знакомым вещам для описания сложных понятий, человек преодолевает скрытую настороженность ко всему новому и неизвестному, ведь

это новое при помощи, в частности, метафорических переносов имеет хорошо знакомые ему черты, а, значит, не несет в себе угрозы и доступно для познания.

Примеров метафорической модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ великое множество независимо от языка, так как способность к метафорическому мышлению является неотъемлемой когнитивной функцией и частью человеческой умственной деятельности. По большей части человек не ощущает эффект эмоционального воздействия метафоры, образованной по модели персонификации, поскольку такие метафоры в основном являются «стёртыми», они лишь несут функцию моделирования действительности и не распознаются адресатом как метафоры из-за их частого использования в речи [см. (Алексеев 1996: 150–161)].

В новостном отрывке радиостанции Би-Би-Си за 02 октября 2016 года речь идет о юридических последствиях, вызванных решением большинства жителей Великобритании на референдуме в июне 2016 года о выходе из состава Евросоюза. Рассмотрим некоторые метафорические модели, использованные автором в этом отрывке.

> Transport secretary Chris Grayling – the former justice secretary who campaigned for Brexit – said there would be an «evolution not a revolution» in UK law once it *leaves* the EU. He gave the example of child benefit being paid to children living overseas as an example of legislation that *could be scrapped*, while some environmental regulations could be retained. (PM to trigger Brexit by end of March => Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй начнет процедуру выхода Соединенного Королевства из Евросоюза не позднее конца марта 2017 года. Би-Би-Си. 02.10.2016) => Министр транспорта Великобритании Крис Грейлинг, ранее занимавший пост министра юстиции и выступавший за выход Великобритании из ЕС, заявил, что при окончательном *выходе из* Евросоюза в законодательстве Соединенного Королевства произойдут эволюционные, а не революционные изменения. Он привел в пример закон о социальных пособиях, выплачиваемых детям вне территории Великобритании, от которых

можно отказаться, в то время как некоторые нормы по защите окружающей среды можно оставить без изменений (Перевод наш – *Е. У.*).

В данном отрывке модель *персонификации* реализуется в метафоре *the UK leaves the EU*, где страны действуют как люди, которые намерены расстаться друг с другом. Великобритания выступает активным действующим субъектом: она «*покидает/оставляет/бросает/уходит»* от Евросоюза. Метафора «*развода»* в приведённом выше примере логически связана с таким пониманием отношений между двумя сторонами.

Далее видим метафору *legislation that could be scrapped*, в которой метафорической моделью-источником можно назвать АРТЕФАКТ, причём осуществлен переход от существительного *scrap* («*кусок, обрывок*») к глаголу *to scrap*, приобретающим значение «*удалить, отменить»*, и в целом метафора понимается как «*отказаться от* (закона)*»*.

Метафорическое использование онтологической метафоры с метафорической моделью-источником ДЕЙСТВИЯ С АРТЕФАКТОМ в названии статьи ('PM to trigger Brexit by end of March') отсылает читателя к образу *спускового крючка* огнестрельного оружия (*trigger* – «*спусковой крючок»*), где существительное переходит в форму глагола *to trigger* (букв. «*нажимать на спусковой крючок»*) и приобретает метафорическое значение «*приводить в действие, давать старт, начинать»*.

Таким образом, в политическом дискурсе, как и в других видах дискурса, используются различные виды метафор. Были выделены (Уразова 2017д) наиболее часто встречающиеся в политических контекстах метафорические модели по области источника, принадлежащие к большому разряду онтологических метафор. Употребление в политической коммуникации метафор направлено на осуществление эмоционального воздействия на адресата с целью получения и удержания власти («живые» метафоры), а также выполняет функцию констатации факта в случае использования т. н. «стёртых» метафор.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что дискурс – это комплексное понятие, означающее совокупность высказываний (текст) вместе с экстралингвистическими факторами, которыми обусловлено создание данных высказываний. Такими факторами могут выступать мотивы, оценки, установки, мнения как адресан-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)